

Лариса Вольперт (Тарту)

Роман Пушкина о верной жене
(К проблеме зарождения гипотезы:
«Евгений Онегин» и «Валери»
Юлианы Крюденер)

«Представляете, какую штуку удрала со мной моя Татьяна... замуж вышла...» — передавал Л. Н. Толстому удивление автора «Евгения Онегина» С. П. Жихарев, не раз принимавший у себя Пушкина в 1826 г. (время активной работы поэта над седьмой и восьмой главами «Евгения Онегина»)¹. Толстой часто повторял эти слова; на его взгляд, изумление автора перед поступком героя — признак истинного таланта². Думается, летом 1825 г. исподволь начинает складываться важный «миф» пушкинской жизни: мечта о *верной жене* реальна. Татьяна «высочила» замуж не случайно, в сознании Пушкина укреплялась надежда, нуждавшаяся для начала хотя бы в «виртуальном» подтверждении. Творец-художник, создавая в романе модель мира, властен осуществить любое свое желание.

Сказать точно, в какой момент автору «Евгения Онегина» впервые замерещилась дальнейшая судьба Татьяны («И где теперь ее сестра?»³), возможности нет, но, думается, решение мелькнуло в разгар работы над шестой главой (1825–1826). По-стерниански рефлектируя над творческим процессом, Пушкин в заключительном лирическом отступлении романа передал ощущение зыбкости художественных поисков счастливо найденной метафорой:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

(VI, 190)

Как известно, в конце шестой главы Пушкин поставил ремарку «Конец первой части» (позже он ее снял). Ю. М. Лотман объ-

яснил это желанием поэта внести изменения в структуру образа главного героя, как бы предложить читателям «нового» Онегина. Думается, подобное намерение было у Пушкина и по отношению к Татьяне. В конце шестой главы судьбы героев в какой-то степени прояснились: Ленский убит, Онегин отбыл в чужие края, Ольга «пристроена», неясна лишь судьба Татьяны, *что делать с ней?*

В настоящей статье выдвигается гипотеза об одном из возможных импульсов к находке поэтом ответа, не терпевшего промедления. Попытка проникнуть в творческую лабораторию художника, как известно, не всегда оправданна. В данном случае, хотя безусловными аргументами мы не располагаем, гипотеза, думается, имеет право на существование. Решение вопроса, возможно, впервые стало смутно вырисовываться перед поэтом летом 1825 г. в момент игровой попытки создать из подчеркнутых строк романа Юлианы Крюденер «Валери» (Juliane fon Krüdener, «Valérie», 1803) зашифрованное любовное письмо к А. П. Керн (в дальнейшем: «Письмо»).

Для меня первоначальным импульсом к зарождению гипотезы стало примечание Пушкина к третьей главе «Евгения Онегина»: «Густав де Линар — герой *прелестной* повести баронессы Крюденер» (VI: 193; курсив мой — Л. В.). Почему обычно скупой на похвалы французским прозаикам XIX века Пушкин столь высоко оценил произведение, населенное схематичными идеальными героями? Подобная структура образа неизменно вызывала его иронию — «И бесподобный Грандисон, / Который нам наводит сон» (VI, 55).

Важным толчком также послужила краткая аннотация в третьем сборнике «Пушкин. Исследования и материалы. III», на которую я наткнулась в 1973 г. (резюме доклада, прочитанного Б. В. Томашевским весной 1957 г. в Пушкинском Доме): «Б. В. Томашевский сделал сообщение о записях Пушкина в книге Юлии Крюденер „Valérie“. В этих записях Б. В. Томашевский предполагал возможность своеобразной лирической переписки — быть может, с А. П. Керн»⁴. Несколько строк таили загадку: неизвестный дотоле факт пушкинской биографии, по-видимому, скрывал романтическую подоплеку⁵. Сюжет оказался притягательным, захотелось взглянуть на пометы Пушкина собственными глазами.

Существенным импульсом для зарождения гипотезы стала также своеобразная переключка реальных помет, оставленных Пушкиным на «Valérie»⁶, и онегинской манеры чтения книг. Татьяна, впервые оказавшись в его библиотеке, пытается разгадать по онегинским пометам загадку его личности:

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;

Глаза внимательной девицы
 Устремлены на них живей.
 Татьяна видит с трепетаньем,
 Какою мыслью, замечаньем
 Бывал Онегин поражен,
 В чем молча соглашался он.
 На их полях она встречает
Черты его карандаша.
 Везде Онегина душа
 Себя невольно выражает
 То *кратким словом*, то *крестом*,
 То *вопросительным крючком.*
 (VI, 149; курсив мой.)

Среди французских романов, хранившихся в библиотеке Пушкина, есть лишь один с подобным набором карандашных помет — роман Крюденер «Valérie». Следующий по насыщенности знаков, оставленных пушкинской рукой, — роман Б. Констана «Adolphe». Однако ни в какое сравнение с «Valérie» он не идет: в нем всего несколько подчеркнутых строк, один наискось перечеркнутый абзац и одна словесная помета (зачеркнуто слово «plaisir» и вместо него на поле карандашом вписано слово «bonheur»)⁷. В пушкинском экземпляре «Valérie» — шестьдесят три (!) пометы, из них семь словесных (французских, на полях), четыре ногтевых, остальные составляют подчеркивания в тексте и отчеркивания на полях. Для аргументации гипотезы весьма существенен вопрос о почерке помет. Б. Л. Модзалевский при описании пушкинской библиотеки не соотнес его с пушкинским⁸. Однако М. А. Цявловский⁹, Б. В. Томашевский¹⁰, Л. И. Вольперт¹¹, Ю. М. Лотман¹², Я. Л. Левкович, Н. А. Тархова, Жан Бонамур¹³ выразили уверенность, что пометы принадлежат Пушкину.

Естественно возникает вопрос, есть ли связь между, казалось бы, разноплановыми явлениями: необходимостью для автора «угадать» дальнейшую судьбу Татьяны и загадочным сходством реальных помет, внесенных рукой Пушкина в два тома «Valérie», с вымышленными, оставленными Онегиным. Думается, в творческой лаборатории писателя шел подспудный поиск, и тщательное изучение романа Крюденер таинственным образом повлияло на «штуку», которую неожиданно «удрала» Татьяна со своим создателем.

Думается, к моменту завершения шестой главы (1 декабря 1826 г.) ответ уже был найден: поэт знал, что в начале второй части сюжет круто «повернется», но знал и то, что читатель о таком «повороте» и помыслить не должен. Авторская стратегия нацелена на отталкивание читателя от мысли, что Таня может такое «выкинуть» — замуж выйти.

Увы, Татьяна увядает,
Бледнеет, гаснет и молчит!
Ничто ее не занимает,
Ее души не шевелит...

(VI, 140)

Старуха Ларина с огорчением перечисляет имена охотников предложить дочери руку и сердце, получивших отказ:

Буянов сватался: отказ.
Ивану Петушкову — тоже.
Гусар Пыхтин гостил у нас;
Уж как он Танею прельщался,
Как мелким бесом рассыпался!
Я думала: пойдет авось;
Куда! и снова дело врозь.

(VI, 150)

Безнадежность чаяний о браке подчеркнута повторяющимся Таниным разговорным словечком:

...А что мне делать с ней?
Всем наотрез одно и то ж:
Нейду!

(VI, 150; курсив мой.)

Упрямство Татьяны всем непонятно: «Не влюблена ль она?» (VI, 150). Автор позднее объяснит: «И тайну сердца своего,/ Заветный клад и слез и счастья,/ Хранит безмолвно между тем/ И им не делится ни с кем» (VI, 159). Брак, по всеобщему мнению, как бы априори исключен. Так думают не только многочисленные советчики Лариной, но и сама героиня, решительно не желающая ехать в Москву («О страх! нет, лучше и верней/ В глуши лесов остаться ей» — VI, 150). В последнем объяснении с Онегиным она раскроет причину своего согласия на брак:

...Неосторожно
Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклинаний
Молила мать...

(VI, 188)

Замужество Татьяны — не просто поворот сюжета, с него начинается конструирование поэтом важнейшего мифа его жизни: мифа о верной жене. Его собственный жизненный опыт в этом

отношении, как известно, был амбивалентен¹⁴. Но все же Пушкин был убежден «в чистоте и строгости Петербургских нравов» (VIII, 37); он находил безупречные образцы в своем окружении (Мария Волконская, Екатерина Андреевна Карамзина и др.). В примечаниях к «Евгению Онегину» Пушкин счел необходимым косвенно упомянуть слова Жермены де Сталь в книге «Десять лет в изгнании»: «Наши дамы совмещают с любезностью строгую чистоту нравов <...>, столь пленившую г-жу Сталь» (поэт дает сноску: «См. Dix années d'exil»). Заметим, похвала де Сталь была более сдержанной: «...нравы русских более добродетельны, чем о том говорят»¹⁵. Поэт несколько усилил оценку, его примечание не вызвано прямой необходимостью но, по-видимому, для Пушкина, с точки зрения идейного плана романа, было важно привлечь внимание к мысли о «строгой чистоте нравов».

Объяснять ригоризм петербургских нравственных норм исключительно воздействием религиозной этики было бы упрощением, здесь действовал сложный комплекс причин (религиозных, этических, социальных). В России конца 1820-х гг. ситуация иная, чем во Франции: уклад не разрушен, этические нормы, определяющие поведение светской дамы, регламентируются не юридическим кодексом. Напомню, 213-я статья Гражданского кодекса Наполеона гласила: «Le mari doit protection a sa femme. La femme — obeissance a son mari» («Мужу надлежит заботиться о жене, жене — повиноваться мужу»); санкции за супружескую неверность: жене — исправительные учреждения сроком до двух лет, мужу — наказание чисто символическое.

В России ситуация иная. М. С. Жукова в повести «Барон Рейхман» сочла необходимым пояснить: «Конечно, в наши времена мужья не убивают за неверность жен, не заключают их в подземелье, не посылают в монастырь, ни даже в деревню <...>, но лучше ли <...> провести всю жизнь, обремененную презрением»¹⁶. Каждодневное поведение светской дамы подчинено строгим правилам (как должен проходить прием, как вести себя на балу, какие преподношения возможны). Пример строгости этикета — табуированность получения писем от «посторонних лиц» (в кодексе этикета употребляется именно этот термин). Распорядок дня светской дамы не предполагал общения с глазу на глаз. Увлеченность перепиской — знак эпохи, и в письмах легко было выйти за границы дозволенного, поэтому считалось, что контроль здесь должен быть особенно бдительным¹⁷. В этом отношении в Петербурге правила более строгие, в Москве — менее, в провинции еще менее. Вот пример из быта пушкинского окружения. В момент отъезда А. П. Керн из Тригорского 18 июля 1825 г. Пушкин вручил ей стихотворение «Я помню чудное мгновенье...». Следует учитывать обстоятельства этого жеста: надежды на новую встре-

чу поэта с адресатом были минимальны (у нее маленькие дети), ссылка Пушкина *бессрочная*, и думается, поэт полагал, что своим даром он заслужит право на переписку. Он, нарушая светский этикет, послал в Ригу шесть писем, и А. П. Керн, что еще более недопустимо с точки зрения «эпистолярного поведения» светской дамы, отвечала (сохранилось одно письмо). П. А. Осипова разгневалась на племянницу за такую «вольность» и поссорилась с ней. В мире провинции нравы проще: вернуть расположение тетушки взялся сам генерал Керн, прибывший с этой целью вместе с женой 1 октября 1825 г. в Тригорское и вполне в этом деле преуспевший.

Однако самым актуальным и действенным для конструирования «мифа» оказался в тот момент, на наш взгляд, образ Валери. Замыслив создать «Письмо» к А. П. Керн¹⁸, поэт, естественно, отдавал себе отчет в том, насколько предмет его влюбленности далек от безупречной героини романа Крюденер, но другой способ объяснения в любви замужней даме найти было трудно¹⁹. Страстные излияния Густава оказались востребованными²⁰, не случайно главная (с точки зрения Б. В. Томашевского) пушкинская помета на полях подчеркивала *связь времен* (романического и реального): «Все это в настоящее время» («*Tout cela au présent*»)²¹. Но, думается, Пушкин не был уверен, что покажет книгу с пометами А. П. Керн, так же как сомневался, вручая А. П. Керн в дар стихи²².

Возможно, Пушкин заодно пожелал понять причину исключительной популярности книги Крюденер. Эффект оказался неожиданным: думается, поэт по-новому оценил замысел автора создать образ, условно говоря, равный по значимости современной Пенелопе. Как нам представляется, именно это обстоятельство определило заключительную оценку — «преlestная повесть». В какой-то момент работы над текстом Пушкин мог почувствовать, что роман ему близок не только общностью ситуации треугольника и любовными lamentациями де Линара, но и структурой личности *непоколебимо и свято верной жены*²³.

В романе Крюденер на первый взгляд главный герой — Густав де Линар: мы слышим только его голос. Одержимый нежно-вулканической страстью, своеобразный «мученик чувства»²⁴, Густав вошел в число литературных персонажей, составивших галерею идеальных мужских образов: «Так же как фенелоновский Телемак, Сен-Пре или Вертер, он — один из образцовых героев, занимавших воображение читателей, а особенно читательниц, как во Франции, так и в России»²⁵. Восхищение героини поэмы Мицкевича «Дзяды» — в какой-то мере знак эпохи:

О, Густав ангельский! Валерия! Встаете
Вы днем передо мной, как будто бы во плоти,
Во сне же, знает Бог, насколько вам близка я...

Валерия! Тебе все женщины земные
 Завидовать должны! Еще бы! Ведь иные
 О Густаве таком мечтой всю жизнь томятся,
 Крупницу сходства с ним найти они стремятся²⁶.

Однако многочисленные отзывы о романе свидетельствуют, что в гораздо большей степени читателей «заворожила» Валери. Как это ни парадоксально, прямолинейный схематичный образ, лишенный сложной душевной жизни, решительно оттеснил награжденного глубокими и тонкими переживаниями де Линара. В его восприятии Валери ангельски добра, грациозна, обаятельна (типичный набор качеств в духе сентиментализма): читатель видит героиню влюбленными глазами Густава. Однако над доминантной чертой ее характера, как раз выпадающей из литературной нормы эпохи (во французских романах конца XVIII — начала XIX в. главенствует, как известно, мотив адюльтера), де Линар как бы не рефлектирует. Эта черта — *фантастическая, немыслимая супружеская верность* — естественное, органичное, единственно возможное состояние души Валери. Она просто не замечает страсти де Линара. Даже в момент, когда он, целуя подол ее платья, рыдает на коленях перед ней, она не догадывается о его чувстве. Верность шестнадцатилетней Валери супругу (он на шестнадцать лет ее старше и к ней относится вполне корректно, но и только! — к страстному негодованию де Линара) непреложна. В предисловиях к первым изданиям романа (а их потребовалось в 1804 г. три) приводились восторженные отзывы читателей, благодарных автору за создание такого «светлого» образа в «наше аморальное время». Отметим, что как раз в хранившемся в библиотеке Пушкина третьем издании романа, из строк которого поэт составил «любковое» письмо А. П. Керн, приводится подобный отклик.

Пушкин, думается, в какой-то момент осознал поразительную власть такого образа над воображением читателей. Возможно, тогда-то и пришло подспудное озарение: *героиня* (выражаясь словами, сохраненными Л. Н. Толстым) самовольно преподнесла своему создателю сюрприз — *замуж вышла*. Но в этот момент Пушкин уже знал, что существенно усложнит ситуацию: Валери не надо бороться с собственным сердцем, она просто-напросто никого, кроме мужа, не замечает. А Татьяна, которую в первой части романа автор наградила безответным чувством (Онегин «благородно» читает ей холодную отповедь), и после замужества испытывает к нему страстную любовь. Пушкин как бы ставит эксперимент: а что если наградить Онегина, отвергшего когда-то «смирненной девочки любовь», неожиданно им завладевшим неистовым чувством к «законодательнице зал», почитаемой в свете княгине? Выдержит ли испытание супружеская верность? И сно-

ва поэт как бы не знает, какое решение примет его героиня. В той же степени, в какой Пушкин удивился «штуке», которую с ним «удрала» Татьяна, выйдя замуж, он изумляется ее решительному непреложному отказу: «А вы знаете, ведь Татьяна-то моя отказала Онегину и бросила его совсем, этого я от нее никак не ожидал»²⁷.

Татьяна второй части романа существенно отличается от героини первой части, воспитанной, впрочем, также на французских романах (не случайно *Муза* поэта предстает «с французской книгой в руках»). *Новая* Таня не только ценит европейскую литературу, но и способна «отрефлексировать» круг чтения Онегина, свободно беседует с испанским послом, охарактеризована выразительной этикетной формулой: «Она казалась верный снимок/ *Du somme il faut*». Героиня второй части отличается не только от усадебной барышни, она намного интересней, душевно богаче, и в целом — более значительная личность, чем Онегин. Она сумела достойно овладеть светским этикетом. Хотя Татьяна и говорит, что «отдала бы всю эту ветошь маскарада <...> за сад и скромное жилище», она фактически приняла стеснительные нормы и царит в этом *пространстве* полноправно. Свет второй части — это не только мертвящий этикет, но также школа учтивости, изысканности, вкуса, где Татьяна — одаренная ученица. Справедливости ради вспомним, правда, что при этом она вполне осознанно нарушает нормы этикета, разрешая себе прочесть письмо Онегина; еще более «недопустимо» поступила усадебная барышня, послав Онегину признание в любви (оба поступка — знаки авторской стратегии в создании образа героини, живое чувство которой неподвластно этикету).

Существенно, что новая Таня по духу близка Пушкину. Как он из всех писателей России той эпохи самый *русский европеец*, она, условно говоря, — *русская европеянка*²⁸. Автор не раз признается в близости к «мечтательнице милой»: «Простите мне: я так люблю/ Татьяну милую мою!» А. Д. Синявский даже выдвинул шутивную концепцию отношения поэта к Татьяне: «Та, как известно, <...> являлась личною музою Пушкина <...> Я даже думаю, что она для того и не связалась с Онегиным, чтобы у нее оставалось больше свободного времени перечитывать Пушкина и томиться по нем. Пушкин ее, так сказать, сохранил для себя»²⁹.

Создав в «Евгении Онегине» желаемую модель действительности, Пушкин, думается, поверил в ее реальность: мечта о возможности подобного варианта своей судьбы завладела поэтом. Он сам создал великий (и, увы! обманный) миф своей жизни. Сватаясь к Наталье Николаевне Гончаровой, поэт вполне отдавал себе отчет в риске женитьбы на юной красавице. Однако, впервые увидев ее на балу зимой 1828 г. и испытав поразительное впечатление, он поверил в возможность счастья. Тот факт, что она беспридан-

ница, из незнатного рода, скромная, застенчивая шестнадцатилетняя барышня, работал на поддержание надежды³⁰.

Суть романа «Евгений Онегин» определяли по-разному (например, «энциклопедия русской жизни»); в связи с нашей темой можно предложить другое окказиональное определение: «роман о верной жене». Литература (Валери и созданный самим поэтом образ Татьяны) как бы подтверждала возможность осуществления пушкинской мечты о том, что *сконструированный* им виртуальный «миф» сможет реализоваться в действительности. Смысл подобной надежды тонко уловила Анна Ахматова. Минуя промежуточные грани между *романным миром* и *миром реальности*, как бы предвосхищая нашу гипотезу, она шуточно предложила свой вариант окончания романа о верной жене: «Чем кончился „Онегин“? — Тем, что Пушкин женился».

Примечания

- ¹ Эти слова записал со слов Л. Н. Толстого Н. Н. Гусев; см.: *Гусев Н. Н.* Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885. М., 1970. С. 200. Отметим, что «цепь» информации была сложнее, включалось еще одно промежуточное звено — Е. Н. Мещерская, приятельница С. П. Жихарева (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л. 1976. С. 146; далее: *Черейский*), знакомая Пушкина и Л. Н. Толстого. Имя С. П. Жихарева прямо не названо, но оно высчитывается с наибольшей вероятностью. О частых посещениях Пушкиным московского дома Жихарева в конце 1826 г. сохранилось сообщение жандармского полковника И. П. Бибикова Бенкендорфу; см.: *Черейский С.* 146.
- ² Толстой говорил Г. А. Русанову: «Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы: они делают то, что должны делать в действительной жизни <...>, а не то, что мне хочется»; см.: *Русанов Г. А.* Поездка в Ясную Поляну 24–25 августа 1883 г. // Толстовский ежегодник. 1912. М., 1912. С. 58.
- ³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1937–1959. Т. VI. С. 135. В дальнейшем ссылки на произведения Пушкина приводятся в тексте статьи по этому изданию, римская цифра обозначает том, арабская — страницу.
- ⁴ Пушкин. Материалы и исследования. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 505.
- ⁵ Можно предположить, что поначалу Пушкин полагал, что познакомит с «Письмом» А. П. Керн, но быстро осознал невозможность такого акта: серьезное чувство и «игра» могли показаться Керн мало совместимыми. Кроме того, очаровательная, но вполне земная женщина, Керн имела мало общего с безупречной героиней романа Крюденер — послание скорее могло оттолкнуть адресата. Однако довести «эстетическое задание» до конца, раз уж оно было начато, по-видимому, для Пушкина было желательным, удачно отобранные *начало* и *концовка* определили известную композиционную законченность «Письма». Кроме того, думается, Пушкин, стремившийся изучать стиль французского любовного послания, был рад поработать с прославленным текстом «Valérie» («Он задушевен, изящен и прекрасно написан», см.: *Брандес Г.* Литература XIX в. в ее главных течениях. СПб., 1895. С. 323. Далее: *Брандес*).

- ⁶ Valérie, ou Lettres de Gustave de Linar à Ernest de G***, 3-me édition, corrigée et augmentée, à Paris, 1814, la Baronne Krudener J Далее *Valérie* Ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы
- ⁷ Adolphe, anecdote trouvée dans les papiers d'un inconnu, et publiée par M Benjamin Constant Paris, 1824 P 104 В других французских книгах помет еще меньше Б Л Модзалевский чаще всего отмечает «Помет нет» По отдельности встречаются отчеркнутые по полю карандашом строки (Delavigne, Diderot, Hugo), отмеченные крестиком, ногтем (Marmier, Vgand), бумажные закладки (Louis Saint Simon, Voltaire, Chateaubriand), словесные пометы крайне редки
- ⁸ *Модзалевский Б Л* Библиотека А С Пушкина Библиографическое описание // Пушкин и его современники Вып IX–X СПб, 1910 С 363 Мы пользовались репринтом М, 1988
- ⁹ *Цявловский М А* Летопись жизни и творчества А С Пушкина 1799–1825 М, 1951 С 641
- ¹⁰ Томашевский обратил внимание на смысловое единство подчеркнутых фраз и сделал доклад о том, что они составляют «зашифрованное» любовное послание к Керн По воспоминаниям Ю М Лотмана и Л С Сидякова, доклад заворожил слушателей убедительностью аргументации, но, к сожалению, от него осталась лишь краткая аннотация В 1973 г мне удалось познакомиться с материалами ученого он тщательно перенес на свой экземпляр «Valérie» все пометы, а в своем экземпляре описания Модзалевским библиотеки Пушкина зачеркнул слова «но не Пушкина рукою сделанные» и написал рядом на полях «не верно»
- ¹¹ *Вольперт Л И* Загадка одной книги из библиотеки Пушкина (Пометы на романе Ю Крюденер «Valérie») // Пушкинский сборник Учен зап пед института им А И Герцена Псков, 1973 С 77–109 Эта статья, в которой впервые было опубликовано «Письмо», составила в сокращенном и измененном виде главу «Загадка одной книги библиотеки Пушкина» в моих монографиях «Пушкин и французская литература», «Пушкин в роли Пушкина», «Пушкинская Франция»
- ¹² *Лотман Ю М* Роман А С Пушкина «Евгений Онегин» Комментарий Л, 1980 С 211
- ¹³ *Bonamour Jean* [Рец на] Vol'pert Larisa Пушкинская Франция, Sankt-Peterbourg, Aletejja, 2007 576 p // Revue des études slaves Paris LXXX/1–2, 2009 P 231–233
- ¹⁴ Внимание Пушкина во второй половине 1820-х гг приковывает тема супружеской неверности Мотив «рогов» был вообще характерен для литературы эпохи, он разрабатывается во многих жанрах (шуточная поэма, комедия, эпиграмма и др) В романе в стихах Пушкин также отдает дань этой теме таков один из вариантов дальнейшей судьбы Ленского («В деревне счастлив и рогат/ Носил бы стеганный халат»), издевка над врагом («Приятно дерзкой эпиграммой/ Взбесит оплошного врага,/ Приятно зреть, как он упрямо,/ Склонив бодливые рога,/ Невольно в зеркало глядится» – VI, 33) Во второй половине 1820-х гг Пушкин разрабатывает мотив адюльтера в жанрах шутливой поэмы («Граф Нулин»), исторического романа («Арап Петра Великого»), в неоконченных прозаических повестях («На углу маленькой площади»), в плане «Светский человек» (об этом см *Вольперт Л И* Пушкин и Франция СПб, 2007 С 334–345), в эпиграмме (приписка к письму брату Льву от 28 июля 1825 г) «У Кларисы денег мало,/ Ты богат, иди к венцу / И богатство ей пристало,/ И рога тебе к лицу»

- ¹⁵ *Сталь Ж. де.* Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 229. (Пер. В. Мильчиной).
- ¹⁶ *Жукова М. С.* Вечера на Карповке. М., 1986. С. 61.
- ¹⁷ Характерны жалобы юной Е. А. Мухановой (в замужестве Шаховской) в Дневнике (1820) на запрет писать письма будущему супругу, князю Валентину Шаховскому, мать и сестры которого были против этого брака: «Sait-tu, mon ami, que s'est une chose cruelle de n'avoir pas l'unique consolation pendant l'absence c'est la correspondance» («Ты ведь знаешь, мой друг, насколько жесток этот запрет на единственное утешение в разлуке — переписку»); см.: *Gretchanaja E. Voillet C.* Si tu lis jamais ce journal... Diaristes russes francophones 1780–1854. Paris. 2008. P. 229.
- ¹⁸ Переписка отдельных фрагментов «Письма» с шестью письмами Пушкина, отправленными поэтом А. П. Керн в июле-августе, позволяет расширить предлагаемую Цявловским датировку; ученый, видимо, и сам колебался, «подверстав» даты создания «Письма» ко второму приезду А. П. Керн в Тригорское (не случайно он снабдил их вопросительными знаками: «Октябрь 1(?) — 10(?) 1825»). Думається, «игровое» послание к А. П. Керн составлено после вручения ей поэтом 19 июля 1825 г. стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», в момент, когда Пушкин поначалу мысленно, а затем пером стал ей писать («Письмо» многими деталями переключается с перепиской).
- ¹⁹ Этикет «дня» светской дамы был построен так, что время на личное общение было практически элиминировано.
- ²⁰ Один из аргументов тех, кто сомневается в принадлежности почерка помет Пушкину, — «обширные любовные излияния удивительно однообразны» (*Теребенина Р. Е.* Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1969–1974 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 112–113). Аргумент вряд ли корректен: любовным ламентациям свойственны «повторы» и «обширность».
- ²¹ *Valérie.* Т. 2. P. 122.
- ²² «Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю» (*Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 36). В настоящее время усилились сомнения в адресате — думается, они беспочвенны. Пьеса была опубликована в 1827 г. под заглавием «К***», но П. В. Анненков видел писанный рукой Пушкина список стихотворений, созданных до 1826 г., и там оно называется «К А. П. К.»; см.: *Тыркова-Вильямс А. В.* Жизнь Пушкина: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 61.
- ²³ Как известно, вернувшись из ссылки в Москву поэтом овладевает мечта о счастье «на проторенных путях»: Пушкин на протяжении полутора лет трижды сватается (к С. Пушкиной, А. Олениной, Е. Ушаковой). Еще совсем недавно он был убежденным холостяком (узнав о сватовстве Баратынского, написал в мае 1826 г. Вяземскому: «...Боюсь за его ум <...> Брак холостит душу» — XIII, 279).
- ²⁴ «...он слишком благовоспитан, чтобы застрелиться, а потому и умирает от чахотки» (*Брандес*, 355).
- ²⁵ *Вольперт Л. И.* Загадка одной книги из библиотеки Пушкина... С. 81.
- ²⁶ *Мицкевич А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1952. Т. 3. С. 107 (Перевод Л. Мартынова).
- ²⁷ *Гусев Н.* Толстой о Пушкине // Октябрь, 1937. № 1. С. 238. См. также: *Русанов Г. А.* Поездка в Ясную Поляну 24–25 августа 1883 г. С. 58.

- ²⁸ Хотя Татьяна «...по-русски плохо знала,/ Журналов наших не читала,/ И выражалась с трудом/ На языке своем родном» (VI, 63) и написать любовное письмо Онегину могла только по-французски, по глубинным чертам характера она несомненно «русская душою». Но об этой стороне ее личности существует объемная литература. См, например: *Глушкова Т.* Испытание счастьем. Национально-духовный идеал в «Евгении Онегине» // Московский пушкинист. М., 2000. Вып. VIII. С. 107–115; *Темнова Е. М.* Младшие сестры Татьяны // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков. Псков, 2004. С. 241–248 и др.
- ²⁹ *Терц Абрам* (Синявский А. Д.). Прогулки с Пушкиным. СПб., 1993. С. 344.
- ³⁰ Робость, думается, в какой-то мере определялась дерптской историей Гончаровых, «озвученной» в рассказе А. П. Араповой (дочери Натальи Николаевны и П. П. Ланского) о «нашей бедной бабушке» более мягко, чем происходило в реальности. Семейный «миф» (см.: *Бобылева В.* „...Mon cousin Kankrine...“ // Открытый текст. Электронное периодическое издание. www.opentextnn.ru/history/familisarchives/genealogy/ [Дата просмотра: 2.01.10]) таков. В начале 80-х гг. XVIII в. в Дерпте оказались петербургские гвардейцы, один из которых, Иван Загряжский, влюбился на балу в дочь знатного барона Липгардта Ульрику, попросил ее руки, скрыв, что женат, и, получив отказ, склонил ее к побегу. Она была обвенчана подкупленным попом, молодые оказались в Пскове, где выяснилось, что она беременна, затем — в Петербурге. Здесь гвардеец понял, что сам загнал себя в угол: что делать с юной баронессой на сносях, считающей себя законной супругой? Выход нашелся один: привезти ее к первой, богом данной жене. От потрясений молодая тяжело заболела, но великодушная хозяйка дома (старше гостью вдвое), окружила ее заботой, выходила, и в 1782 г. та родила дочь Наталью Ивановну Загряжскую (в замужестве Гончарову). На самом деле действительность была более суровой: в момент побега Ульрика была замужем, имела двухлетнюю дочь, которую оставила на брошенного мужа. Возможно, травмы матери сказались на дочери; теща Пушкина, как известно, была психически не совсем в норме, трех дочерей воспитывала более чем строго. Эпитет «робкая» по отношению к шестнадцатилетней Наталье не расхожий штамп, а органичная характеристика.

CON AMORE

Историко-филологический сборник в честь
Любови Николаевны Киселевой

О · Г · И
МОСКВА
2010